

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ
В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

В. Г. БАЗАНОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · М О С К В А · 7 · 3

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ИВАН БУНИН

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 3

ПИСЬМО к А. П. ЛАДИНСКОМУ

1945

Публикация Т. А. Ладинской

Villa Jeannette, Grasse, A. M.
8.2.1945

Дорогой Антонин Петрович,

Пожалуйста, извините за столь поздний ответ: очень нездоровится и слабость, безволие, а потом такой холод в доме, что иногда часами си-дишь в оцепенении, все не решаясь вынуть искалеченные руки из рукавов.

Получил номер вашей газеты, взял предыдущие номера у Зурова — и еще более убедился, что газета — яркополитическая, а я уже давно потерял всякую охоту к какой бы то ни было политике; горячо радуюсь победам России и союзников, но ведь это не политика. Посему, при всей моей нелюбви отказывать людям и особенно друзьям, приятелям, никак не могу — по крайней мере в данное время — участвовать даже в литературном отделе «Русского патриота». Вы говорите: «Поддержите нас». Но ведь это есть поддержка газеты, органа политически боевого, участие в известной политической деятельности. Не сетуйте, дорогой мой, на меня, я очень люблю вас и как поэта, и как прозаика (с великим удовольствием читал, между прочим, про Анну Ярославовну), люблю и как человека, рад был бы сделать вам угодное, но эту вашу просьбу вынужден отклонить (сердечно благодаря, конечно, вас за внимание).

Пишу про мой отказ и Владимиру Львовичу¹ — он тоже писал мне, прося участвовать в «Русском патриоте».

Всего доброго! В. Н. благодарит вас за память и шлет вам свой поклон.

Ваш Ив. Б у н и н

Р. С. Может быть, «Союз писателей» все-таки вступится за писателя Бунина заметкой в «Русском патриоте» на счет поведения Графов с этим писателем?²

Ив. Б.

ЦГАЛИ, ф. 2254, ед. хр. 56, л. 5—5 об.

Антонин Петрович *Ладинский* (1896—1961) — писатель, много лет провел в эмиграции. В 1930-х годах выпустил несколько стихотворных сборников, сотрудничал в газете «Последние новости». В годы второй мировой войны примкнул к тем русским эмигрантам, которые приняли советскую ориентацию, участвовал в созданной после освобождения Парижа от фашистской оккупации газете «Русский патриот» (позднее переименованной в «Русские новости»); с 1946 г. гражданин Советского Союза. Вернувшись в 1955 г. на родину, поселился в Москве. Автор нескольких исторических романов, написанных частью в эмиграции, а частью уже в СССР («Когда пал Херсонес», «Анна Ярославна — королева Франции», «Последний путь Владимира Мономаха» и др.). В 1956 г. закончил работу над «Парижскими воспоминаниями», в которых рассказал о Бунине, Бальмонте, Тэффи, Саше Черном и других писателях-эмигрантах.

Бунин ценил Ладинского как писателя, охотно встречался и беседовал с ним. Как видно из публикуемого письма, добрые отношения между ними сохранились и в 1945 г., несмотря на то, что пути обоих писателей к этому времени уже окончательно разошлись. О разных позициях, занятых ими, говорит и отказ Бунина от сотрудничества в «Русском патриоте». Но для бунинских настроений этих лет характерна мягкая, деликатная форма, в которую он облек свой отказ.

Кроме публикуемого письма Бунина к Ладинскому, сохранились еще две его открытки (1932 и 1940 гг.) и одна записка 1948 г., — по содержанию все они незначи-
тельны.

¹ Владимир Львович Пиотровский, писатель, член Союза русских патриотов.

² Графы — семья, занимавшая в годы оккупации парижскую квартиру Буниных, что задерживало возвращение их в Париж. Как явствует из письма к Бунину Я. Б. Полонского, в начале марта 1945 г. квартира была освобождена — при деятельном содействии «Русского патриота» (см. сообщение А. Н. Дубовикова — настоящ. том, кн. 2).

Приводим отрывок из «Парижских воспоминаний» Ладинского — он связан по своему содержанию с публикуемым письмом и дополняет несколькими интересными штрихами наше представление о позициях Бунина в 1945—1946 гг.

«Трудно сказать, что он думал в глубине своей души о России, о революции. Человек он был довольно сложный, несмотря на наружную и как бы нарочитую простоту. Уже в молодости его одолевали противоречия. В своем путевом очерке „Тень птицы“ он писал тогда: „Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать свои силы на созидание его... Но при чем здесь родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом. И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной“¹.

Это своего рода молодой и благородный космополитизм. Но именно молодой. Когда человека потреплют жизненные бури, ему приятно вспомнить, что есть свой дом, родина, могилы отцов. Бунин не мог не вспомнить об этом на чужбине (<...>)

В какой-то степени эта двойственность оставалась у него до конца жизни. Он с интересом расспрашивал советских людей, которые стали приезжать во Францию после войны, о том, что делается на родине, но в этих расспросах не чувствовалось сыновней любви. Он как бы „обиделся“ на что-то, хотя неизвестно на что. Классовое самосознание, дворянская усадьба и прочее? Возможно. Хотя фактически Бунин уже был разночинцем, и никаких усадеб у него не было. Может быть, тут и другое — неумение и страх перейти через черту, за которой уже начинается новый мир.

Однако он, по-видимому, не представлял себе жизнь вне русской стихии. Бунин не делал особых усилий, чтобы войти во французскую среду, и так и не прижился к чужой жизни, несмотря на всю любовь к уютному Парижу или к милым пейзажам Прованса. Сквозь всякие житейские препятствия он понимал, что совершил ошибку, и только его заносчивый характер мешал ему признаться в этом.

Он не любил разговоров на тему о возвращении на родину, отговаривался своей старостью. Мол, „мне уже помирать пора, ну куда я поеду на старости лет, привыкать к новой жизни“, но неоднократно высказывал неудовлетворенность эмигрантской жизнью.

Однажды был с Буниным особенно длинный разговор на эту тему. Ничего особенного в этих высказываниях не было, не все запомнилось, но хорошо припоминается общее бунинское настроение, обстановка. Бунин (<...>) очень мило себя держал. В тот вечер он назначил мне свидание в одном кафе на Монпарнасе, где так любил бывать Маяковский.

Это было угловое кафе „Дом“, где не в пример другим монпарнасским кафе с их модернизированными залами, огромными зеркальными окнами и обилием электрического света сохранилась в те годы старая парижская обстановка: молескиновые диванчики вдоль стен, не очень опрятные передники гарсонов, старомодные мраморные столики, цинковая стойка.

Как обычно по вечерам, в кафе уже стояли облака табачного дыма. За столиками сидели завсегда: художники в клетчатых куртках, незадачливые литераторы с косматыми прическами, непризнанные гении. Многие из них проводили за чашкой кофе одинокий вечер, потому что дома было неоплено. Они попыхивали трубками, говорили о Матиссе или о Браке. У стойки шумели подвыпившие матросы с красными помпонами на синих шапках.

Мы уселись с Буниным за свободный столик и заказали по рюмке „мара“. Есть такая французская крестьянская водка. Помню, Бунин понюхал рюмку и сказал: — Хороший мар, новыми сапогами пахнет!

Это было вполне бунинское определение. Действительно, как и сливовица, мар припахивает немного кожей.

Встреча эта происходила в те дни, когда в Париже издавалась газета „Русский патриот“, около которой группировалось несколько писателей. Хотелось привлечь к газете и Бунина, так как всем были известны его антигитлеровские и патриотические высказывания. Но Бунину почему-то казалось, что ему надлежит стоять „выше политики“. Впрочем, он посетил посла и имел с ним дружескую беседу» (ЦГАЛИ, ф. 2254, ед. хр. 33).

¹ Собр. соч. 1965—1967, т. 3, стр. 428.